

КАРАВАН

женских историй

5 ЛЮБИМЫХ ЖЕНЩИН ВЫСОЦКОГО

ИЗБА ЖУКОВА, ЛЮДМИЛА АБРАМОВА,
МАРИНА ВЛАДИ, ТАТЬЯНА ИВАНЕНКО,
ОКСАНА АФАНАСЬЕВА

Юрий Сушко

**5 любимых женщин
Высоцкого. Иза Жукова,
Людмила Абрамова,
Марина Влади, Татьяна
Иваненко, Оксана Афанасьева**

«Алгоритм»

2013

УДК 82-94
ББК 85.374

Сушко Ю. М.

5 любимых женщин Высоцкого. Иза Жукова, Людмила Абрамова, Марина Влади, Татьяна Иваненко, Оксана Афанасьева / Ю. М. Сушко — «Алгоритм», 2013

«Идеал женщины?» – «Секрет...» Так ответил Владимир Высоцкий на один из вопросов знаменитой анкеты, распространенной среди актеров Театра на Таганке в июне 1970 года. Болгарский журналист Любен Георгиев однажды попытался спровоцировать Высоцкого: «Вы ненавидите женщин, да?..» На что получил ответ: «Ну что вы, Бог с вами! Я очень люблю женщин... Я люблю целую половину человечества». Не тая обиды на бывшего мужа, его первая жена Иза признавала: «Я... убеждена, что Володя не может некрасиво ухаживать. Мне кажется, он любил всех женщин». Юрий Петрович Любимов отмечал, что Высоцкий «рано стал мужчиной, который все понимает...» Предлагаемая книга не претендует на повторение легендарного «донжуанского списка» Пушкина. Скорее, это попытка хроники и анализа взаимоотношений Владимира Семеновича с той самой «целой половиной человечества», попытка крайне осторожно и деликатно подобраться к разгадке того самого таинственного «секрета» Высоцкого, на который он намекнул в анкете.

УДК 82-94
ББК 85.374

© Сушко Ю. М., 2013
© Алгоритм, 2013

Содержание

От автора	7
Иза Жукова	9
Людмила Абрамова	27
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юрий Сушко
5 любимых женщин Высоцкого.
Иза Жукова, Людмила Абрамова,
Марина Влади, Татьяна
Иваненко, Оксана Афанасьева

© Сушко Ю.М., 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

* * *

От автора

«Идеал женщины?» – «Секрет...».

Так ответил Владимир Семенович Высоцкий на один из вопросов знаменитой анкеты, распространенной среди актеров Театра на Таганке в июне 1970 года.

Болгарский журналист Любен Георгиев однажды попытался спровоцировать Высоцкого: «Вы ненавидите женщин, да?» На что получил молниеносный ответ: «Ну что вы, бог с вами! Я очень люблю женщин... Я люблю целую половину человечества». Не тая обиды на бывшего мужа, его первая жена Иза признавала: «Я... убеждена, что Володя не может некрасиво ухаживать. Мне кажется, он любил всех женщин».

Добавлю еще одно наблюдение далеко не постороннего для Высоцкого человека. Выступая в телепрограмме ОРТ «Фрак народа» в мае 1999 года, Юрий Петрович Любимов отметил, что Высоцкий «рано стал мужчиной, который все понимает...».

Валерий Золотухин также не отрицал: «Да, был не прочь погулять. Но разве это грех – любить женщин?! Главное ведь не то, с кем он спал, а какой дар был послан ему свыше. Вот что отличало его от всех остальных смертных...».

В свое время меня чрезвычайно заинтриговала фраза Вениамина Смехова о гиперсексуальности Высоцкого. И впрямь, коль человек был способен покорять огромные концертные залы в несколько тысяч слушателей, целые стадионы, дворцы спорта, то вряд ли какая-то одна «слабая, беззащитная» или даже самоуверенная женщина могла бы представлять для него неприступную цитадель, способную устоять перед темпераментным напором и сногшибательным обаянием.

Партнерша Высоцкого по многим таганским спектаклям Алла Демидова подтверждала: «Он абсолютно владел залом, он был хозяином сцены... Он обладал удивительной энергией, которая, саккумулировавшись на образе, как луч сильного прожектора, была в зал. Это поле натяжения люди ощущали даже кожей. Я иногда в мизансценах специально заходила за его спину, чтобы не попадать под эту сокрушающую силу воздействия...».

Одна из жен Владимира Семеновича Людмила Абрамова с жаром говорила: «Пусть меня найдет и плюнет в лицо тот, кто сможет доказать, что Володя когда-нибудь за глаза плохо говорил о женщинах. Уверена, что этого не было! Никогда никому не поверю, если кто-то будет это утверждать...».

Судьбы любимых женщин Высоцкого – сами по себе не просто любопытны. Это сложнейшие, загадочные, трагические жизненные новеллы. Утаить их, предать забвению просто грешно.

Владимир Семенович Высоцкий (25 января 1938 – 25 июля 1980) – русский советский поэт, актер и автор-исполнитель песен, автор прозаических произведений.
Лауреат Государственной премии СССР (1987, посмертно)

Иза Жукова

*Но мы с тобою сразу стали жить,
Не опасаясь пагубных последствий...*

Свою первую большую любовь Высоцкий встретил юным студентом, когда учился в Школе-студии. Он был «...симпатичен, обаятелен. Так что неслучайно многие девушки нашего курса, как говорится, положили на него глаз. Была и я среди них...», – признавалась Иза Жукова (см. М. Захарчук. Босая душа, или Штрихи к портрету Владимира Высоцкого // Радуга. № 2. 1991). Она училась уже на третьем курсе. Муж, авиационный техник, прозябал в далеком Таллине, родители скучали в Горьком. Как утверждает один украинский журналист, «к тому времени у нее уже был ребенок от первого мужа» (Л. Кудрявцев. Женщины в жизни великого барда // Ктевскш ТелеграфЪ. № 01 (143). 20–26 января 2003). Но, как рассказывала сама Иза, ее единственный сын Глеб появился лишь в середине 65-го года. И не от Высоцкого.

Но тогда именно на Изе-Изольде-Изуле Высоцкий и остановил свой выбор. Близкому знакомству помог случай. «У нас в студии очень почитались старшекурсники, просто была такая традиция. Не важно, какого ты возраста, – если ты старше курсом, все равно перед тобой снимают шапку, – рассказывала Иза. – А они, Володин курс, для нас были «мальчики и девочки». И их курс был такой «хулиганский», озорные ребята – в общем, не «бомондные». Юного студента старший курс пригласил поучаствовать в своем дипломном спектакле «Гостиница «Астория»». А потом случился какой-то праздник, и старшекурсники снизошли к «мальчикам и девочкам», пригласили к себе. Не совсем к себе – на квартиру Греты Ромадиной: «салонная» девочка по тем временам. Накрыли очень красивый стол, но явился Володин курс и как устроил там «живые картинки»! Они нам там сломали этот салонный стиль. Привнесли свою свежую струю...» (см. Л. Грабенко. Перед смертью Владимир Высоцкий хотел обвенчаться... // Факты и комментарии. 21 июля 2000). На той вечеринке за Изой настойчиво приударял молодой преподаватель Виктор Карлович Монюков и успешно зазывал ее на чашечку кофе с пирожными. Это в три часа ночи-то! Но Виктор Карлович не на того соперника напал, хотя и Высоцкий был его студентом. Но все же Владимир решительно и настойчиво взял большеглазую девушку за руку и пошел провожать в общежитие.

– Шустрый, хулиганистый, немножко конопатый, влюбленный, как мне показалось, сразу во всех девушек, – говорила Иза. – ...Этот мальчишка потащил меня гулять. Возмущение, искренний протест и главный козырь: «Я, между прочим, замужем!» – не помогли...» (Н. Кузьмина. И. Высоцкая: «В воспоминаниях о Володе слишком много неправды!» // Экспресс-газета. 12 мая 2006). Он ее просто не пустил, крепко держа за руку. Они пошли бульварами на Трифоновку «...и всю дорогу ругались, – рассказывала Жукова. – Мне было досадно и обидно, что не поехала на кофе. Да и зачем он идет за мной? Я замужем! Хотя брак продержался всего две недели, но я не была разведена. Я даже не помню, о чем мы говорили, но факт тот, что с этого дня он вообще был при мне, со мной...» (Фаина. Странная женщина Владимира Высоцкого // www.lady-club.com).

Что было дальше? «Потом мальчик с торопливой, чуть вздрагивающей походкой, дерзкий, смешной, стал родным и любимым...» (И. Высоцкая. Когда был Володя, замечательно было жить! // Владимир Высоцкий. Человек. Поэт. Актер. М.: Прогресс, 1989). Она говорит, что он был «по-особенному ярок... В свои 19 лет он был мужчиной, по-настоящему, по-большому, по-крупному...» (Е. Красикова. Иза Высоцкая – жена, мать, актриса // Сегодня.

№ 185. 23 сентября 1998). С того дня, точнее ночи, «он вообще был при мне, со мной, – хвалилась затем Иза Константиновна. – Я приходила в столовую, а мне несли обед и не говорили от кого. «Я не буду, я не буду!» – возмущалась я. «Да ты не бойся...». Или я заболела, и моментально появлялись лекарства. В Москве тогда невозможно было достать цветы, а он находил. Таскал еду из дома. Этот ребенок в 19 лет... Дай бог так себя зрелым мужчинам вести...» (М. Райкина. Странная женщина Владимира Высоцкого // Московский комсомолец...) *«Помню, он принес мне спелый апельсин и туфли, от которых оторвал каблук. Володя сделал это, чтобы на прогулках мы были одного роста и меня можно было держать за шею – это тогда было модно... «Шпильки» создавали лишние проблемы, и Володя без сожаления от них избавился...»* (Н. Кузьмина. И. Высоцкая: «В воспоминаниях о Володе слишком много неправды!» // Экспресс-газета. 12 мая 2006).

Настала прекрасная пора романтических прогулок при луне от студии до общежития на Трифоновке, где Иза жила со своими подружками – Маргошей (Маргаритой) Володиной и Галиной Грозиной в девятиметровой комнате. Затем ее соседкой стала Рита Жигунова. Симпатичные студентки мечтали, конечно, о сцене и кино. Все страшно завидовали Володиной, которая уже успела сняться в фильме «Огненные версты» (ее, правда, бедняжку, за несанкционированные съемки строгий ректорат лишил стипендии имени народного артиста Хмелева).

Но главные мечты были, конечно же, о любви... Вон, за Риткой Жигуновой какой красавчик-танцовщик ухаживает, да еще с таким загадочным заграничным именем – Марис Лиэпа!

Она очень скоро убедилась, что Володя не может некрасиво ухаживать. *«Мне кажется, – говорила Иза, – он любил всех женщин... Он носил их на руках. Дарил, бесконечно дарил – что угодно. Я сама не заметила, как вдруг мне стало его не хватать. А потом случилось то, во что я очень верю, – два человека превращаются в одного. Если мне поначалу казалось, что это мальчик, то очень быстро я превратилась в маленькую девочку. Благодаря ему мне всю дальнейшую жизнь хотелось быть маленькой, беспомощной и глупой. Но не пришлось...»* (Фаина. Странная женщина Владимира Высоцкого...).

Иза Жукова – первая большая любовь Владимира Высоцкого.
Фото 1954 г.

Весной 57-го студенческий спектакль по пьесе Исидора Штока «Гостиница «Астория»» был наконец сдан и принят строгими экзаменаторами, а осенью Володя увел Изу с Трифоновки на Первую Мещанскую. Маме и ее тогдашнему возлюбленному Жоре сказал просто: «Познакомьтесь, это моя жена». *«Получилось как-то все очень естественно и просто, – вспоминала Иза Константиновна. – Без этих вопросов: почему, да не рано ли и зачем это надо...»* (Н. Кузьмина. И. Высоцкая: «В воспоминаниях о Володе слишком много неправды!» // Экспресс-газета. 12 мая 2006). А может быть, просто маме было не до того? Не берусь судить.

Молодым по договоренности с соседями – Яковлевыми – отдали общую комнату в коммуналке, именуемую столовой. «Стало немножечко тяжелее принимать знакомых, друзей, а там без этого не проходило ни дня...» (М. Рыбьянов. Л. Штурман: «Я вырос в одной коммуналке с Высоцким, а знаменитый герой его песни Мишка Шифман – муж моей сестры» // Комсомольская правда. 14 декабря 1996). Комнатка эта была проходная, на ночь приходилось ставить ширмочку...

Володя с Изой взахлеб зачитывались супермодными в ту пору романами властителей дум – Ремарка и Хемингуэя. Встречались с друзьями, посещали модные выставки, вечера поэзии. (Кстати, то был еще и год первого Международного фестиваля молодежи и студентов, умы будущих актеров будоражила неделя французского кино... В конце концов, первый киновизит на свою «историческую родину», в Россию, Марины Влади в роли «Колдуны»...). «Володя, – вспоминала Иза, – просыпался и сразу включался в жизнь. Он знал, чего хочет, любил всех людей. Любил общаться с детьми, со стариками – с кем угодно. Жизнь во всех проявлениях была для него чрезвычайно интересна...».

Но, *«в основном, была проза, а стихи были реже...»*. И вскоре семейные отношения подверглись первому испытанию на прочность. В 1958 году Иза, получив диплом, очутилась по распределению в Киеве, в Театре русской драмы имени Леси Украинки. В столичные театры ей пробиться было трудновато.

А до этого она повезла своего нового мужа на смотрины к родителям в Горький. Иза дала телеграмму, но на вокзале их никто не встретил. Владимир помчался искать такси, но в этот момент появилась Изина мама и сестра Наташа. Мама окинула взглядом нового родственника: «Этот клоун не твой ли муж?» Ее насторожил буклистый пиджачок, таких в Горьком еще не носили.

Хотя, в общем-то, отношения с родными Изы сложились неплохо. Бабушку и вовсе пленил тем, что однажды за чаем уничтожил целую пол-литровую банку земляничного варенья. Жить ему у Мешковых было негде, и Высоцкий снял каюту на дебаркадере. *«У нас в доме, – оправдывалась Иза, – негде было раскладушку поставить – да и самой раскладушки не было...»* (Н. Кузьмина. И. Высоцкая «В воспоминаниях о Володе слишком много неправды!»...).

«Он был балагур, – вспоминала Изина школьная подруга Фаина Масунова, – сплошь – шутки-прибаутки, какое-то бесшабашное веселье... Бренчал на гитаре, пел, но не свое, а что-то популярное в студенческой среде, смешное и философское тоже. В общем, веселил нас, был «своим парнем». Мы гуляли по набережной, любовались видами Волги... Они часто ходили в театр, поскольку студентам театральных училищ разрешалось бесплатно посещать спектакли...» (В. Родин. Ф. Масунова: «Он запомнился мне балагуром» // Нижегородская правда. № 30. 18 марта 2003).

Летом следующего года чета молодых актеров вновь приехала в Горький. Не только погостить у родных, но и подзаработать на съемках фильма «Фома Гордеев». Жора Епифанцев, однокурсник Высоцкого, снимавшийся в главной роли, соблазнил: поехали! Впрочем, Владимир и Иза были заняты лишь в массовке, поэтому много времени проводили на Волге, купались, дурачились. Когда съемки закончились, гурьбой – Епифанцев, Иза, Высоцкий,

Фаина и еще кто-то из киногруппы – отправились в местный ресторан «Москва». Масунова рассказывала: «Тогда Высоцкий показался мне более озабоченным. Он, конечно же, был внимательным и галантным с нами, дамами, но чувствовалось, что деловой разговор с Епифанцевым и тем, другим мужчиной занимает его больше, чем наше общество...» (там же).

Но вернемся на Украину. Жить в Киеве дебютантке, естественно, было негде. Дирекция пристроила новенькую традиционно – в свободной комнатухе (то ли бывшей гримерке, то ли обустроенной кладовке) непосредственно в помещении театра.

В подобных же условиях (вернее, вовсе без оных) по соседству обретался еще один начинающий член труппы Паша Луспекаев – будущий знаменитый таможенник Верещагин из «Белого солнца пустыни». В один из своих приездов к молодой жене еще более юный и пылкий Высоцкий едва не подрался с темпераментным Луспекаевым (гремучая смесь кровушки мамы-хохлушки и отца-армянина), когда тот, изрядно «заложив» от скуки, одиночества и неопределенности, стал ломиться в двери к симпатичной рыжеволосой соседке, ласково называя ее то «киской», то «рыбкой». Словом, ситуация анекдотическая. То есть нет, с точностью наоборот. Или, как в будущей песне Высоцкого:

Потом, я помню, бил друзей твоих,
Мне с ними было как-то неприятно,
Хотя, быть может, были среди них
Наверняка отличные ребята....

Знакомство Владимира Высоцкого и Павла Луспекаева началось с анекдотической ситуации. Володя приревновал Изу к Павлу

Примерно таковым было нечаянное знакомство Высоцкого с Луспекаевым, переросшее затем в крепкую дружбу.

Как рассказывает Иза Высоцкая, рядом с ее «жилплощадью» был кабинет заведующего труппой, в которой имелся телефон. И молодые люди, само собой, вели ночами долгие и нежные разговоры. Нина Максимовна Высоцкая вспоминает, что в их коммуналке телефон находился в прихожей, и сыну при долгих междугородних переговорах приходилось накрываться подушкой, дабы не потревожить Яковлевых. Может быть, с тех самых лет Высоцкий питал особо трепетные чувства к безымянным телефонисткам междугородней связи – 07?

Как приняли ее в театре? По-разному. Актриса Александра Захаровна Смолярова сегодня с трудом припоминает «угловатую девчушку с острым носиком», которая «ничем

особенным никого не сразила». Тогдашняя прима Мальвина Швидлер утверждает, что Жукова была «совсем не пижонкой, не высокомерной и в то же время, держась особняком, никогда не вникала ни в какие театральные дрызги, сплетни». К этой характеристике Изабелла Павлова добавляла: «Несомненно, очень талантливый человек». В памяти нынешнего хранителя театрального музея Сергея Ивановича Филимонова отложилось, что Иза каждый день приходила на репетиции с новой прической и режиссеры всякий раз встречали молодую актрису ехидным вопросом: «Какой же прической вы нас сегодня порадуете?» (см. Н. Влащенко. Ушла. Очень жаль... // www.kulichki.com/vv/ovys).

Говорят, стремясь «к воссоединению семьи», Высоцкий попытался устроиться в киевскую труппу. В свой первый визит в Киев, после прослушивания у директора театра Виктора Мягкого Иза робко заикнулась: «Я не одна. Послушайте моего мужа – артиста Владимира Высоцкого, он там на порошке сидит...». На что раздался грозный директорский рык: «Какой еще муж?! Какой еще Высоцкий?! Скажи спасибо, что мы тебя взяли!» Наблюдательной Мальвине Зиновьевне Швидлер отчетливо запомнился муж Изы: «Небольшого роста, с румянцем со всю щеку, совершенно незаметный... Но уже тогда можно было догадаться, что это не такой простой мальчик, как могло показаться на первый взгляд: не было в нем зависимости, улыбочек, такого актерского желания понравиться» (там же). В общем, не сложилась киевская карьера Высоцкого, и слава богу.

Киевлянка Наталья Мельниченко, тесно дружившая с двоюродной сестрой Владимира Ирэн Высоцкой, утверждала: *«Девушек у него было много: парень видный, бойкий, веселый, остротами так и сыпал, великолепный рассказчик, анекдотов знал несчетное количество...»* (И. Осипчук. И. Высоцкая: «Магнитофонные записи Володиных песен делались в нашем доме» // Факты и комментарии. 28 января 2006).

В 1960-м, когда Владимир уже заканчивал училище, молодые люди решили в конце концов узаконить свои отношения. Тем более что к тому времени Изе удалось в конце концов расторгнуть с помощью влиятельной Володиной бабушки (лучший косметолог Киева!) свой предыдущий брак с таллинским наземным авиатором и возвратиться из «киевской ссылки» в Москву. В книге регистраций напротив записи об увольнении актрисы Изольды Жуковой из Театра имени Леси Украинки рукой заведующего труппой было приписано: «Ушла. Очень жаль...» (там же).

С собой из Киева Изольда привезла чемодан писем от Высоцкого. Он писал ей чуть ли не каждый день (а в памяти почему-то возникают написанные им позже поэтические строки: *«Не пиши мне про любовь, не поверю я...»*. Или такие: *«Я сжал письмо, как голову змеи. Сквозь пальцы просочился яд измены»*).

На 25 апреля 1960 года была назначена официальная церемония бракосочетания. Поначалу Иза с Володей собирались отметить это событие более чем скромно, тихо: пригласить самых близких друзей – Свицерского, Яловича и Акимова – посидеть в ресторане. По другой версии, был и иной вариант – «домашний». Отпраздновать опять-таки впятером, но в другом составе: молодожены, Володиные родители и жена Семена Владимировича Евгения Степановна Лихалатова. Потом решили воспользоваться гостеприимством Акимова. Нина Максимовна даже сходила туда и вымела из-под мебели два ведра окурков и фантиков.

Выросшей и воспитанной на Востоке Евгении Степановне подобные сумасбродные идеи будущих молодоженов показались полным бредом, вопиющим нарушением традиций, едва ли не кошуномством. Она тотчас принялась названивать мужу в Питер, где в Академии связи постигал премудрости армейских наук Семен Владимирович. Высоцкий-старший с мнением жены, разумеется, тотчас согласился, сказав, что молодежь в этой жизни ни черта не смыслит, ветер в их головах гуляет, и повелел провести свадьбу как следует, с размахом, то бишь по-нашему, по-настоящему, а то будет как-то не по-людски... Места мало? Соберем

гостей в их более просторной квартире на Большом Каретном. Все хозяйственные хлопоты взяла на себя Евгения Степановна.

Следуя существующим традициям, жених в канун свадьбы созвал мальчишник в своем излюбленном кафе «Артистическое» (в их кругу именуемом на французский манер – «Артисток»). А куда же еще, как не в «Артистик», податься бедному студенту театрального вуза?!

Когда вечеринка затянулась не на шутку, разгневанная невеста явилась в кафе. Подгулявший жених ей честно признался, что «пригласил всех!». На трезвый и резонный Изин вопрос: «Кого «всех»?» – последовал маловразумительный ответ: «А я не помню, я всех приглашал...».

Словом, на свадьбе гуляли действительно все: два курса – и Володин, и Изин, друзья, родственники, соседи. Вот только родители невесты на торжество не пожаловали. Но и без них двухкомнатная квартира Семена Владимировича оказалась тесноватой. Гостям пришлось располагаться даже на подоконниках. Было весело, шумно, бесшабашно. Само собой, много пели и плясали. Невеста была в сногшибательном платье, приобретенном на улице Горького, в магазине «Наташа» – в палевых розах, очень пышное. Материал назывался перлон, такого сейчас нет. Туфли, естественно, были без каблуков, бледно-лимонные... Жених был просто в рубашечке, хотя накануне они купили ему костюм. Колец тоже не было. Все, что мы зарабатывали, объясняла Иза, уходило на поездки друг к другу. *«Нам бабушка Володина дала три тысячи, – делилась семейными тайнами невеста, – большие деньги по тем временам, и написала: купите Изе шубу. А я купила не шубу, а все, что не надо: вошла в магазин – и глаза разбежались...».*

Иза и Володя в парке Сокольники. 1957 г.

«Наша с Волчонком свадьба – отдельная история, – с удовольствием вспоминает Иза Константиновна. – У нас не было ни колец, ни фаты, в руках я держала подснежники... В Рижском загсе, где нас расписывали, вместо марша Мендельсона звучала музыка из фильма «Укротительница тигров». Хохотали все. От смеха я дважды роняла цветы...» (Н. Кузьмина. И. Высоцкая: «В воспоминаниях о Володе...»).

Самым оригинальным подарком молодоженам стал... громадный дог, которого церемонно преподнес друзьям по студии шутник Гена Ялович. Гостям (в отличие от жениха и

невесты) подарок жутко понравился, все хохотали и норовили погладить страшилище по короткой шерстке, а кое-кто, шутки ради, против... (Спустя пару дней Владимир позвонил дарителю и взмолился: «Что мне с ним делать?! Слушай, заberi его к черту!» Пришлось Яловичу забрать пса). Друзья, кстати, говорили, что Высоцкий, в общем-то, любил животных, но... на расстоянии.

Свадьба в самом деле удалась на славу. Гуляли до утра. Часа в четыре, «весенней гулкой ранью», законные супруги вместе с Ниной Максимовной возвращались к себе домой, на 1-ю Мещанскую. Там Высоцкий взгромоздился на подоконник и стал зазывать каких-то работяг отметить «лишение его свободы»...

А затем настали «суровые будни»...

Сегодня Иза наделяет бывшего мужа всевозможными добродетелями: «Выйдя за Володю замуж, я попала в совершенно необыкновенную атмосферу. Он был как-то ближе к своему отцу. У Семена Владимировича тогда уже была другая семья. Его вторая жена Евгения Степановна – армянка, и у них были сильны традиции гостеприимства. Постоянно большие компании, совершенно удивительные застолья с восточными блюдами, теплое, заинтересованное отношение к людям. И Володя вырос таким ласковым, великодушным... Нельзя было не любить – за доброту, нежность какую-то к людям. Мои мама и бабушка тоже были в него просто влюблены...» (В. Сергеева. И. Высоцкая: «Володю было невозможно не любить» // Труд-7. № 115. 26 июня 2003).

Поначалу супруг-выпускник попытался самостоятельно устроить дальнейшую карьеру жены. Его приглашали в Театр имени Маяковского. Он ставил условие: только с женой. Но, как признает Иза Константиновна, «по своему амплуа я не подходила для него» (А. Соколов. И. Высоцкая: «Высоцкий начинался так» // Социалистическая индустрия. 31 марта 1988). Может быть. На вариант работать в разных театрах Высоцкий не соглашался. Попробовал договориться с Борисом Равенских, который только-только возглавил Театр имени Пушкина и активно зазывал Высоцкого к себе, суля златые горы.

О начинающем актере новому главному режиссеру уже все уши прожужжала Светлана Аннапольская, которой было поручено обновить труппу «Пушкинского»: «Он не был похож ни на кого. Он был очень богатый внутренне парень... Он действительно поразил меня как актер...» (М. Филимонов. Бабушка Высоцкого была моложе его родителей // Экспресс-газета. 24 сентября 2002). Когда они познакомились ближе, оказалось, что Светлана близко знала семью Высоцких – ее отец работал главным виноделом на заводе «Узбеквино», а дед Высоцкого работал там юрисконсультom. Знала она и Семена Владимировича.

Словом, сосватала Аннапольская Высоцкого в театр к Равенскому.

А вот Иза на просмотре умудрилась поскандальить с придирчивым главным режиссером. И, естественно, получила отказ.

Помимо профессиональных неудач у Изы стали возникать проблемы и на личном фронте. Дико мучила ревность к Володиным друзьям. Раздражала иезуитская манера мужа по вечерам звонить от кого-нибудь из приятелей и говорить: «Я еду». Потом перезванивать минут через пятнадцать и сообщать: «Я уже выезжаю». Проходило еще какое-то время, и раздавался очередной звонок: «Я уже еду». И так он мог «ехать» часами. Черт знает что!

Тогда Иза пустилась на элементарную женскую хитрость. По ее просьбе на вечерний телефонный звонок Володи отзывалась соседка – Гися Моисеевна Яковлева (да-да, та самая – из «Баллады о детстве». – Ю.С.) – и невинным голосом говорила, что Изочки нет, она, дескать, оделась «как экспонат» и ушла. «А куда, Володечка, мне неизвестно». Тогда ревнивец обзванивал всех подруг Изы, немедленно мчался домой и, конечно же, заставлял жену, устроившуюся на диване с книжкой в руках (см. И. Высоцкая. Молодые годы Владимира Высоцкого // Звезда. 2 октября 1987).

Она не отрицает, что они частенько ссорились. Наговорив друг другу благоглупостей, Иза обычно выскакивала на улицу и ловила такси: «Прямо, пожалуйста!» При этом знала, что муж едет следом. Потом такси Владимира обгоняло беглянку и становилось поперек. Машина останавливалась. Ревнивец вытаскивал Изу из такси, что-то объяснял шоферу, расплачивался и вез жену назад. Однажды в Изину машину ввалился какой-то парень и уселся прямо ей на колени. Высоцкий вытащил парня, пару раз хрястнул его дверцей по голове и аккуратно положил рядом с автомобилем. А однажды Владимир так увлекся слежкой за ветреной супругой, которая прогуливалась с подружкой, что им самим заинтересовался милиционер и задержал его. Пришлось выручать...

Однажды Владимир так увлекся слезкой за Изой, что им заинтересовался милиционер и задержал его

Хватало и других проблем. Он не был ангелом. Однажды, вспоминала молодая жена, мне принесли его «бровнышком, а наутро, поднявшись, он попросил: «Изуль, дай шампан-

ского». Не помню уж, какие пламенные монологи произносила. Он слушал-слушал, а потом сказал: «Изуля, ну ладно, только не сутулься». «Для него самое главное – распусти волосики, возьми кофточку и не сутулься, – говорила Иза. – Кофточку он мне подарил из американской посылки (кто-то получил), ни у кого такой не было – пуховая сиреневая кофточка. И вот жара не жара, а Володя за свое: «Возьми кофточку». И волосы надо обязательно распустить...» (М. Райкина. Странная женщина Владимира Высоцкого // Московский комсомолец...). Аукнулась потом эта «кофточка» в стихотворных строках: *«Потому что я куплю тебе кофточку, потому что я люблю тебя, глупая...»*.

С деньгами, само собой, было не ахти. *«Женщина не должна занимать деньги. Пусть Володя попросит у меня, и я дам»*, запомнились молодой жене слова соседки Гиси Моисеевны. Она поплакалась в жилетку мужу: *«Володя, нет денег»*. Жилетки, впрочем, тоже не было. Но он кротко сказал: *«Ничего, Изуля, добудем»*. *«Как он добывал, меня это не очень интересовало, – признавалась она. – Вот какой он был муж? Он меня даже к портнихе возил. Помню, привез отрез – серебряный, под березку. А пальто кораллового цвета с начесом... Сам одел, сам обул, сам причесал...»* (Фаина. Странная женщина Владимира Высоцкого...).

В то же время Иза с горечью признает, что «в семье не все было в порядке. Мы не могли... быть втроем – я, Володя и Нина Максимовна. В то же время я не имела права уехать, хотя это не значит, что мы тогда бы не расстались. Наверное, расстались бы. Но я со своим горем носилась, жалела себя. А ему-то каково было? За что он-то брошенный? Вот это было мерзко и подло, но я тогда этого не понимала...» (Л. Рубина. Известная жена известного поэта // Семь Я. № 4 (216). 25–31 января 2005). Она по сей день не может простить бывшей свекрови, которая встала на дыбы, узнав о том, что Изольда забеременела: *«Я не собираюсь становиться бабушкой!»* Был страшный скандал, после которого у Изы случился выкидыш. Бывшая свекровь извинится много лет спустя, когда Иза тоже станет бывшей женой.

Она вспоминала грустную осень 60-го года: *«Сплошные огорчения. Мы пытались что-то сыграть с Володей, но у нас ничего не получилось, как не получалось танцевать или быть на людях рядом... Начались мои безработные муки. Володя маялся. Он получил обещанную ему центральную роль в «Свиных хвостиках», верил, что сыграет, фантазировал, но ему не дали даже репетиций. В конце концов ходил Володя из кулисы в кулису с барабаном в масковке. Позже сыграл Лешего в «Аленьком цветочке». Вот, пожалуй, и все. Было горько. Мы так наивно верили в святое искусство...»* (И. Высоцкая. Короткое счастье на всю жизнь).

Спустя год, весной 61-го, безработная, никому не нужная, обиженная на весь белый свет, непризнанная и разнесчастная Изольда Высоцкая отправилась из столицы искать свое актерское и житейское счастье в далекую провинцию – ростовский Театр имени Ленинского комсомола. Было ли это лучшим выходом? Для нее, видимо, да.

Как считала Аннапольская, в Театре имени Пушкина у Высоцкого сразу не заладилось. Сплелось все разом. С одной стороны, семейные проблемы. С другой, отношения с режиссером не складывались. «Володя начал сильно пить, – признавала Аннапольская. – И в этом в какой-то мере был виноват Борис Равенских... Он тоже почувствовал, какой у Володи большой потенциал. И сразу дал ему главную роль в чешской комедии «Свиные хвостики». Володя начал репетировать. Ну, не может все сразу получаться у молодого актера! А тут кто-то сказал, что на эту роль в Свердловске есть хороший комедийный актер Раутбарт... Равенских вызвал его, снял Высоцкого с роли и отдал ее Раутбарту. Мало того – он назначил Володю в массовку в том же спектакле. Высоцкий должен был играть в оркестре на огромном барабане. На премьере он напился. И, проходя по сцене, упал в оркестровую яму. Слава богу, музыканты подняли руки и удержали его. После этого Высоцкий называл Равенских не иначе как «фюрером»...» (М. Филимонов. Бабушка Высоцкого было моложе его родителей...).

Владимир пытался как-то склеить рушащиеся брачные узы: то прилетал, то приезжал в Ростов-на-Дону (однажды даже на крыше вагона). И один, и с друзьями. Пел, шутил, балагурил, очаровывая окружающих. Всех поражал своей щедростью. *«У него все – на раздачу, – сокрушалась жена. – Мы как-то с Ниной Максимовной купили ему дюжину рубашек, все было моментально роздано. Он уезжал в новой, а приезжал в чьей-то старой...»* (Фаина. Странная женщина Владимира Высоцкого...).

«Володя, – рассказывала Иза, – всерьез строил планы театрального завоевания этого города. Помню его письмо: «Все телевидение будет наше!» Он собирался работать в нашем театре, и главный режиссер Лейкома Константин Христофорович Шахбазиди что-то, помоему, предусмотрел для Володи при распределении ролей на спектакль «Красные дьяволята» (см. О Владимире Высоцком. М., 1995).

Перекрестимся, что все эти планы так и остались прожектами. Иначе кто знает, говорили ли бы мы сейчас о Высоцком как о Высоцком?

Итак, что, «любовная лодка разбилась о быт»? А может быть (и даже наверняка), были и другие причины. Как с той, так и с другой стороны. К чему теперь судить, *«по чьей вине, по чьей вине»?*

Сама того не желая, Иза (так и оставшаяся Высоцкой) своими воспоминаниями о супружеских днях выдает себя с головой: «...Трудно себе представить, какой это был кошмар – первые Володиные шаги в постижении игры на гитаре. Часами он мог сидеть, выбивая всего лишь ритм, и заунывно тянуть одну и ту же цыганскую песню, где были такие «бесмертные» слова: «Ны-ны-ны, есть ведро, в нем нет воды, значит, нам не миновать беды» Это была в ту пору его песня-конек, которую кто-то показал ему, как надо исполнять. Только когда по ночам зудело его бесконечно «ны-ны-ны», мне на самом деле начинало казаться, что беды какой-то точно не избежать...».

Володя и Иза дома. Фото 1958 г.

«Он... мучил меня своим бреньканьем. Песням, которые он тогда сочинял, я не придавала никакого значения и время от времени злилась, что гитаре достается больше внимания, чем мне...» (там же).

Правда, она (на всякий случай) добавляла: «...Я, как примерная супруга, приносила ему кофе и старалась не мешать его упражнениям...» (см. М. Захарчук «Босая душа...»). Иза простодушно признавалась: «Я не придавала никакого значения этим песням, они для меня были каким-то терзанием. Куда мы ни приходили, начинались эти песни. Причем, люди их слышали впервые, а я их слышала в сто первый раз. По-моему, иногда даже поднимала бунт... Мне казалось – нельзя заниматься никакими песнями! Надо заниматься только женой! В те годы мне так казалось...» (см. Живая жизнь. М., Московский рабочий, 1988).

«Ошибка вышла, вот о чем молчит наука...», так?

Плюс ко всему всевидящие «доброхоты» не дремали. Оперативно донесли Изе в Ростов «все-все-все» про Ленинград, про съемки «713-го...» и про Люсю Абрамову, естественно, тоже.

«Моя московская подруга, – печально вспоминает Изольда, – сообщила мне, что некая Люся Абрамова беременна от Высоцкого. Я немедленно позвонила ему, а он мне наврал. Сказал, что свято хранит верность...» (Н. Кузьмина. И. Высоцкая: «В воспоминаниях о Володе слишком много неправды!» // Экспресс-газета. 12 мая 2004).

Словом, в расстроенных чувствах Иза, тотчас «собрав вещички и закрыв кавычки», укатила из Ростова в другой, не менее «крупный российский театральный центр» – Пермь.

Это теперь на вопрос о причинах расставания с Высоцким Иза Константиновна кратко отвечает: «Честно говоря, я и сама не знаю. Нет конкретной причины. Расстались, и все. Наверное, это судьба: встретились, какое-то время побыли вместе и пошли дальше, в другую жизнь...» (см. Е. Красикова. Иза Высоцкая – жена, мать, актриса // Сегодня. № 185. 23 сентября 1998).

Некоторые свидетели утверждали, что спустя десяток лет в своей скороспелой и явно неудачливой женитьбе Высоцкий винил прежде всего свою мать, которая, даже не успев толком разглядеть Изу, тут же стала уговаривать своего непутевого сына наконец остепениться и жениться на такой славной девушке.

Возможно.

Хотя, на мой взгляд, юноша женился от одиночества и нетерпеливого желания поскорее стать наконец совсем самостоятельным, взрослым, избавиться от прилипчивого дружеского, но обидного прозвища Шванц («хвостик» – по-немецки). Тем более перед глазами были уже примеры душевного и прочего благополучия окольцованных друзей с Большого Каретного.

Напомню, роман Высоцкого и Изы стартовал в 57-м. Спустя десяток лет, весной 1967 года, из-под пера поэта появились строки:

...Я женился с завидной поспешностью,
Как когда-то на бабушке дедушка.
Оказалось со всей достоверностью,
Что была она вовсе не девушка...

Да нет, ни в коем случае я не провожу никаких узнаваемых параллелей, аналогий, ей-богу. Но ведь такие грустные строки все же выплеснулись на бумагу. И их уже не вымарашь...

Дальнейшая судьба Изы Константиновны в профессиональном смысле сложилась вроде бы удачно. Все-таки до звания «заслуженный артист» ее бывший супруг Высоцкий так и не дослужился, а вот ей удалось! Для этого, правда, пришлось изрядно помотаться по про-

винциальным театрам. Чтобы разыскать Изу и развестись с ней для официального оформления будущего брака с Людмилой Абрамовой, Высоцкому пришлось приложить немало усилий. Впрочем, Иза в затянувшейся процедуре развода винит Владимира: «Я не могла там (в Перми. – Ю.С.) даже прописаться, потому что нам с Володей никак не удавалось оформить развод – он все время терял документы... Мы с ним встречались, общались, но не получалось добраться до загса. И только в один из приездов мы, как лучшие друзья, взявшись за руки, сходили и развелись...» (В. Сергеева. И. Высоцкая: «Володю было невозможно не любить» // Труд-7. № 115. 26 июня 2003).

Позже Иза вышла замуж, родила сына и окончательно бросила якорь в нижнетагильской труппе.

В Москве бывшие супруги при случае встречались. В основном, дома у Изиной студенческой подруги Карины Диодоровой. Порой Высоцкий приглашал Изу на свои выступления. В августе 1970 года, когда Владимир Семенович был уже известен и, по ее понятиям, всесилен, Иза обратилась к нему за помощью в решении каких-то актерских проблем своего нового спутника жизни (впрочем, эта ее просьба Высоцкого несколько ошарашила и очень расстроила).

С плохо скрываемой ревностью Изольда Константиновна как-то обмолвилась: «Когда мы расстались, у меня было такое ощущение, что его женщины должны быть очень счастливы. Потому что у него был дар – дарить! Из будней делать праздники, причем органично, естественно. То есть обычный будничный день не мог пройти просто так, обязательно должно было что-нибудь случиться. Вот даже такое: он не мог прийти домой, чего-нибудь не принеся. Это мог быть воздушный шарик, одна мандаринина, одна конфета какая-нибудь – ну, что-нибудь! – ерунда, глупость, но что-то должно быть такое. И это делало день действительно праздничным. И потом, он тоже умел всякие бытовые мелочи: выстиранную рубашку, жареную картошку, стакан чаю – любую мелочь принимать как подарок. От этого хотелось делать еще и еще. Это было приятно...» (И. Высоцкая. Молодые годы Владимира Высоцкого // Звезда. 2 октября 1987).

После развода с Высоцким Иза выйдет замуж и родит сына.
Фото 1970 г.

Словом, ни единой строкой он не лгал в своих стихах:
«Мне каждый час хотелось сделать ночью брачной...».

В последний раз они встретились в 1976 году. Иза приехала в Москву. Владимир Семенович предложил: *«Пойдешь на «Гамлета»?»* Друзья стали Изу отговаривать: *«Куда ты пойдешь?! Он на «мерседесе», а ты в таком виде в калашный ряд. Видок у нее в тот день впрямь был непрезентабельный: свитер-самовяз, брюки за пять рублей, туфли невозможные. Но она не комплексовала. Высоцкий выскочил из машины, потащил к служебному входу. Вокруг толпа: «Володя! Высоцкий! Владимир Семенович!» Он пристроил ее у вахтерши: «Посиди, сейчас билет принесу». Это был утренний «Гамлет», потом три концерта в Коломне. В перерывах между ними съедает кусок колбасы, глоток кофе и поет за кулисами то, что не может петь со сцены. После едет поздравлять Ахмадулину...».*

Иза Константиновна очень трогательно вспоминает, как они пробивались сквозь толпу в грим-уборную, где уже были... приготовлены бутерброды, чай, кофе, пирожные: *«Торопят с началом. «Какие, Владимир Семенович, просьбы?» – «Только одна. Устройте Изу поудобнее». На меня смотрят подозрительно и озабоченно и уводят в переполненный зал. С грехом пополам усаживают в центре дополнительного ряда прямо перед сценой. Володя выходит, я оказываюсь у него в ногах, запрокидываю голову, чтобы видеть его, и растворяюсь в общем порыве любви. Перерыв между концертами минут десять, не больше. Мы снова одни. По просьбе Володи к нам никого не пускают. Володя кормит меня, сам съедает несколько ломтиков колбасы, прихлебывает кофе и поет мне... Второй и третий концерты я слушаю за кулисами, где мне поставили стул. Володя поет другие песни, почти не повторяясь, и ставит микрофон так, чтобы мне было лучше видно. – «Тебе удобно?» Я плачу, не скрывая слез...»* (И. Высоцкая. Короткое счастье на всю жизнь...).

Потом они встретились на дне рождения Семена Владимировича Высоцкого. Он приехал, как рассказывает Иза, в черном лайковом пиджаке. Она не удержалась, ехидно заметив: *«Володька, ты как черный таракан».* Он не обиделся: *«Щас сниму».* Предлагал ей деньги, она отказалась: ни в коем разе (там же).

Вот и вся история. *«Я – бывшая жена, – с горечью говорила Иза Константиновна. – Вот уже жизнь подходит к концу. Ни мужей, ни мужчин давно уже нет. А Володя – это Володя. Если бы не было песен, ролей, а он был просто Володя, просто актер, он для меня все равно бы остался самым значительным из всего, что произошло в моей жизни»* (Фаина. Странная женщина Владимира Высоцкого...).

Людмила Абрамова

Я любил и женщин, и проказы...

А они любили его. Я имею в виду женщин.

Это подтверждал неумолимый летописец Павел Леонидов: «У Володи за жизнь его было множество женщин. Он их любил, и они любили его...» (П. Леонидов «Владимир Высоцкий и другие. Средство от себя» // Красноярск. – 1992).

Сам Владимир Высоцкий на эту тему никогда не распространялся. И даже наоборот – стремился закрыть фривольный разговор сразу, щадя чувства возлюбленных и гася возможные поводы для ревности. Например, в письме из заснеженного весеннего Свердловска он писал Людмиле Абрамовой: «Завтра 8 Марта... Очень он (праздник. – Ю.С.) солидарный и охватывает всех баб на земле. А среди них не так уж много стоящих...» (В. Высоцкий. Собрание сочинений в семи томах. М.: Вельтон Б.Б.Е. – Т. 6. – 1994).

Ну, и в песнях порой каялся:

Когда в душе я раскрываю гранки
на тех местах, где искренность сама,
тогда мне в долг дают официантки
и женщины ласкают задарма...

Молодой Высоцкий был признанным королем любых компаний. Искрометно шутил, пел, дурачился, провозглашал красивые тосты, балагурил, изящно ухаживал за девушками, показывал фокусы, травил анекдоты и актерские байки, искусно пародировал речи вождей. Порой грустил и уходил глубоко в себя, не замечая вокруг никого. Но это – редко. Чаще – удержу ему не было...

Павел Леонидов: «У Володи за жизнь его было множество женщин. Он их любил, и они любили его...»

В 1961 году, случился молниеносный, как и многое другое в жизни Высоцкого, роман с Людмилой Абрамовой, будущей матерью двух его сыновей. История их знакомства и последующих отношений достаточно хорошо известна, скажем так, из первых уст. Но все же позволю себе напомнить ее основные вехи.

Многоопытная Анна Давыдовна Тубеншляк, работавшая вторым режиссером лентфильмовской картины «713-й просит посадку», из Питера «десантировалась» в Москву в поисках будущих исполнителей. Просматривала картотеки на студиях, ходила по театрам. В Пушкинском обратила внимание на молодого актера: «У него было очень любопытное, неординарное лицо». Познакомились, обменялись координатами, условились о будущих пробах. Хотя тогдашний мэтр кино и театра Борис Чирков довольно скептически отнесся к ее выбору: смотри, Аня, натерпишься с ним, хотя парень и одаренный (см. Владимир Высоцкий в кино // М.: ВТПО «Киноцентр», 1989).

Но Анна Давыдовна была упряма и все же отстояла свой выбор. Не подвела – летом Высоцкий был вызван на пробы в Питер. А осенью – на съемки. Такое событие, естественно, друзья отметили дома у Гарика Кохановского. Аркадий Свидерский добыл для Володи денег на поездку. После застолья приятели отправились на Ленинградский вокзал провожать Володю в киноэкспедицию. На вокзале Михаил Туманишвили в окне вагона заметил красивую молодую женщину. Толкнул локтем приятеля: смотри! Стоявшая рядом Тубеншляк сообщила ребятам, что это тоже актриса, Люся Абрамова, будет сниматься в этом же фильме вместо отказавшейся от роли Нинели Мышковой. Миша взял да и ляпнул в шутку: «Ты смотри, Володя, чтобы эту девочку из Ленинграда обязательно привез!»

Впрочем, Люся, девушка гордая и независимая, к знакам внимания давно привыкшая, глаз поднять на подвыпившую компанию не пожелала. И в своих позднейших воспоминаниях зафиксировала: «Если верить тому, что Володя видел меня на вокзале в Москве и запомнил, – он-то знал... А я не знала» (Людмила Абрамова о Владимире Высоцком. Факты его биографии. М.: издательский центр «Россия молодая», 1991).

Как рассказывал Свидерский, дальнейшие события на вокзале развивались по стандартному сценарию. Кохановский рванул в вокзальный буфет за «посошком». Пока гонец отсутствовал, в купе травили анекдоты, появилась гитара. А Кохановский все задерживался неведомо где все дольше. Аркадий выглянул в коридор, вышел в тамбур, и тут проводница его «успокоила»: «Милок, да мы уж полчаса как едем...».

В поезде Владимир с Люсей, к счастью, не встретились. Почему «к счастью»? Да потому, что известно, чем обычно заканчиваются купейные знакомства – по окончании путешествия возникает жгучее желание поскорее раз и навсегда распрощаться с попутчиком. Или попутчицей. Хотя, возможно, в данном случае я и ошибаюсь, самонадеянно опираясь на собственный опыт...

Впервые увидев Люсю на съемочной площадке, режиссер-постановщик фильма Григорий Никулин сразу понял: это – то, что нужно! Он вспоминает: «Была необыкновенно красивой – с огромными, от переносицы до ушей, серо-голубыми глазами...» (Высоцкий. Время, наследие, судьба. № 19).

Молодая, изящная, со сногшибательной внешностью, начинающая актриса, признанная «мисс ВГИК», мгновенно попала в поле зрения олокиношных ленинградских сердецедов. Вокруг нее тотчас образовался круг «постоянных друзей-поклонников» – драматург Александр Володин (впоследствии нежно полюбивший песенное творчество Высоцкого), художник Гера Левкович, молодой питерский актер Карасев... Они понимали толк в женской красоте, были галантными, остроумными и... нищими.

11 сентября 1961 года, прося последние деньги в «восточном» зале ресторана в «Европейской», кавалеры поздним вечером проводили свою московскую гостью на окра-

ину города, до гостиницы «Выборгская», опаздывая на последний перед разводом невских мостов трамвай. У каждого оставалось как раз по три копейки на брата...

У входа в гостиницу Людмила увидела перед собой хорошо подвыпившего человека. «И пока я думала, как обойти его стороной, – он попросил у меня денег, чтобы уладить скандал в ресторане. У Володи была ссадина на голове, и, несмотря на холодный, дождливый ленинградский вечер, – он был в расстегнутой рубашке с оторванными пуговицами. Я как-то сразу поняла, что этому человеку надо помочь». Абрамова обратилась к администраторше гостиницы – та сварливо отказала, мол, дашь денег, а потом ищи-свищи. Обратилась к знакомым по киногруппе – все на бобах... У самого состоятельного актера Левики Круглого в кармане оказалась одна-единственная трешка... У Кости Худякова тоже. Тогда Люся решительно сняла со своего пальца золотой с аметистом перстень (бабушкин, фамильный!) и отдала страдальцу. Тот отнес перстень ресторанному мэтру, предупредив, что завтра непременно выкупит.

Люся удалилась к себе в номер на третий этаж, переполненная собственным благородством и чувством выполненного долга. А вскоре раздался стук в дверь, и в номер ввалился бывший потерпевший, вооруженный гитарой и бутылкой коньяка. «Сдача», – пояснил он.

«Потом Володя мне пел. И даже чужую песенку «Вышла я да ножкой топнула», которую Жаров в фильме «Путевка в жизнь» пел как шутливую, он пел как трагическую, на последнем пределе. Еще секунда – и он умрет. Я видела гениальных актеров уже... Круг общения был такой, что я, еще ничего не зная о Володе, смогла понять: это что-то совершенно необыкновенное... Этот человек может невозможное, непредсказуемое, запредельное...» (И. Руденко. Не приближаясь, стороной, идет по кромке... // Комсомольская правда. 15 января 1998).

Григорий Никулин: «Людмила была необыкновенно красивой – с огромными, от переносицы до ушей, серо-голубыми глазами...»

Далее «жертва ресторанного скандала» предложила своей спасительнице руку и сердце. И им не захотелось расставаться.

Она даже не думала спросить его, кто он такой и откуда. Когда утром они вместе вышли из гостиницы, оказалось, что им по пути. Приехали, подошли к проходной киностудии, одновременно достали пропуска. Он удивленно спросил, из какой она группы. Люся ответила – и Высоцкий остановился как вкопанный. У нее тоже был легкий шок...

Вечером Люсино кольцо было выкуплено и возвращено на изящный палец законной владелицы.

Вскоре в киногруппе их роман ни для кого не был секретом. Они поселились в одном номере. В свободное время гуляли по городу. С аппетитом поглощали «кривые» пончики в ближайшей «Пончиковой». «Кривыми» местные кулинары окрестили некондиционные, продававшиеся за полцены. В другом заведении, классом повыше, защищая честь своей дамы сердца, Высоцкий буквально летал по ресторанному залу, расшвыривая ненавистных соперников. А восхищенные музыканты стояли на сцене и аплодировали. Победителю схватки был выставлен весьма приличный по тем годам обед.

«Люду он очень ревновал, – вспоминает Г. Никулин. – К любому. А выражалось все это в том, что он был жесток. Если он видел, что она не так на кого-то посмотрела или не то сказала... Володя был парень жестковатый, он мог ей и врезать» (см. Высоцкий. Время, наследие, судьба. № 19).

Некоторые дамы кинематографического Питера были убеждены, что как раз именно Григорий Никулин положил глаз на Люсю. *«В киногруппе думали, что у них роман, – делилась своими воспоминаниями Людмила Шагалова. – Когда я узнала, что у Люси роман с Володей, я обалдела: «Что, она не могла себе найти кого-то попроще? Ну и видок у него! Настоящая шпана!»»* (см. В. Желтов. Как Высоцкий был американским морпехом // Смена. 25 января 2005). Шагалова помнит свою первую встречу с юным Высоцким: *«Как-то вечером мы собрались у него в номере. Что-то отмечали. Пили вино. Высоцкий не производил на меня никакого впечатления, вел себя как мальчишка... Чего нельзя было не отметить, так это его музыкальности. Володя пел какие-то песни, не свои, своих у него еще, по-моему, не было. Михаила Ножкина пел – «А на кладбище все спокойненько...». Но когда начинал петь, преображался. Однажды что-то запел на английском языке. Английский-то я немножко знаю, а тут ничего не разобрать, абракадабра какая-то! «Володь, признайся, это же не по-английски». Высоцкий рассмеялся: «Нет, конечно. Но правда ведь похоже?!» – «Очень»»*. Свое «знание языков» Высоцкий еще раз успешно использовал в дуэте с Шагаловой. В перерыве между съемками актеры полагалось обедать в ресторане в зале для туристов. Сунулись туда – не пускают! Владимир был в форме американского морячка, Шагалова в накидке из чернобурки. Они двинулись ко второму входу, при этом Володя что-то лопотал на своем «английском», а Людмила только поддакивала в ответ: «Йес!» Актеров усадили за столик, проявили максимум российского гостеприимства. Высоцкий, увидев рядом иностранцев, завелся: «Я им сейчас спою!» И спел свою абракадабру под Армстронга, потом начал что-то им говорить. Те только извинялись: «Сорри!». Но Высоцкий был доволен: «Теперь они будут долго разбираться, что к чему!» (там же).

В те годы Людмила Александровна уже была заслуженной артисткой РСФСР, лауреатом Государственной премии. И ее, естественно, шокировал и даже оскорбил наивный вопрос Высоцкого: «А вы уже где-то снимались?» Это она-то! Едва сдерживаясь, Шагалова спокойно ответила: «Да, в «Молодой гвардии», например». «А я не видел эту картину. А кого вы там играли?» Для актрисы это была по меньшей мере дикость. Ей казалось, что не

было в стране человека, который бы не видел на экране ее Валерию Борц. А вот Высоцкий не видел, ну что тут поделаешь?

В киногруппе паре Высоцкий – Абрамова покровительствовали. Выдающийся питерский актер Ефим Копелян, сдружившийся на съемках «713-го...» с Высоцким, проводил молодую пару на спектакли в БДТ. И из-за кулис они любовались «Скованными одной цепью». Консультант фильма – летчик Спартак Гриневич – несколько раз брал их с собой, когда летал из Ленинграда в Москву, пряча влюбленную парочку в кабине экипажа.

А потом Толян Утевский неожиданно-негаданно получил от друга телеграмму из Питера: «Срочно приезжай. Женюсь на самой красивой актрисе Советского Союза». Люся долго пребывала в неведении, откуда как снег на голову в Ленинграде объявился некто Утевский, которого Володя представлял ей как своего старшего брата.

Хотя далеко не все шло гладко, без сбоев. Особенно когда Люся отсутствовала в Ленинграде. Тогда в гостиничном номере собирались друзья-приятели – неутомимые Игорь Пушкарёв, актер Театра имени Пушкина Саша Стрельников, которые снимались тут же, на «Ленфильме», в так и не состоявшемся фильме «Самый первый», и, естественно, Высоцкий. Болтали, пели, пили... Одна из таких посиделок особенно запомнилась Пушкарёву – «день открытия XXII съезда КПСС. Потому что накануне вечером я в милицию угодил...». Пушкарёву нужно было задержаться на съемках. «Девочки, естественно, должны были подъехать». Словом, когда «самый первый» появился в номере, его ждала удручающая картина: «Сквозняк! Фрамуга открыта. На столе – принесенная из ресторана еда в железных тарелочках: сардельки, горошек, еще что-то. Водка. Володя сидит в кресле, глаз у него зеленый и стеклянный – он всегда становился таким, когда Володя сильно пьянел. Смотрит он этим стеклянным глазом на меня, не мигая. Я понял: спит! Сашка пытается забраться на кровать... Подхожу к столу, наливаю водюру в «станкам»... беру сардельку. Только начал пить – скрип двери...». В общем, в номере появились администраторша и дежурная по этажу в сопровождении милиционеров. Пушкарёва взяли под локотки и препроводили в участок. Оказалось, что в ожидании приятеля и дам Высоцкий и Стрельников несколько перестарались со спиртным. И, разобидевшись на запаздывающих, стали швырять в окошко «лишние» тарелки. Бросали метко – как раз «на головы беспечных...» горожан. Когда все разъяснилось, Пушкарёва отпустили восвояси, тот вернулся в гостиницу.

Бракосочетание. 1965 г.

Свидетели И. Кохановский и Е. Щербинская

Закончилось все прозаически: «Высоцкий и Стрельников как ни в чем не бывало сидят за столом, водку разливают по стаканам. Володя оборачивается: «...Твою мать, где ты ходишь?! Мы тебя два с половиной часа ждали! Где ты ходишь, б...?!» Рассказываю, как дело было, а они мне не верят! После этого случая администрация долго не селила киношников в гостинице...» (см. В. Желтов. Владимир Высоцкий – ошибки молодости // Смена. 23 января 1998). Были, были, были... Действительно, ошибки.

Сообщая Люсе о своих первых песенных успехах, Высоцкий пишет ей из Свердловска: *«Еще хочу что-нибудь написать. Когда пишу, как будто разговариваю так. Я считаюсь очень крупный специалист-песенник, во всех областях этого жанра: блатной, обыкновенный и Окуджавы. Идут пачками, мешают мыслить, учатся, переписывают, перенимают... Платные уроки сделали бы меня миллионером. Я стал бы богаче Шагаловой...»* (письмо В. Высоцкого Л. Абрамовой 04 марта 1962). Почему Владимир приводит в качестве примера Шагалову, понятно. Незадолго до уральских гастролей Театра миниатюр юные супруги побывали в гостях у, как теперь уже удостоверился Высоцкий, действительно заслуженной артистки РСФСР, и ее квартира показалась им верхом зажиточности и благополучия...

* * *

После затянувшихся съемок в Москву Люся и Владимир возвращались уже вместе. Люсина двоюродная сестра – литератор и киносценарист Елена Щербиновская – рассказывала, как она пришла к ней на Беговую, в двухкомнатную квартирку, в которой обреталось сразу три поколения Абрамовых: бабушка с бабушкой, сестра бабушки Аллочка, мама и, собственно, любимая дочь. Отец Владимир Аркадьевич, работавший главным редактором издательства «Химия», чаще жил у своей тяжелобольной матери.

У Люси был выгороженный уголок – нечто вроде своей «комнаты», в которой Елена и познакомилась с Высоцким. «Он держался очень просто, одет был бедно: старенький свитер, простенький пиджачок. Он играл на гитаре и пел «Вагончик тронется...». Пел здорово – мурашки по коже! Общаться с ним оказалось сразу очень легко, так, словно давно уже мы знакомы. Я поняла, что этот человек очень дорог моей сестре, и это с первой же встречи определило мое к нему отношение... Говорил простым, отнюдь не литературным языком, казался немного грубоватым, чем поначалу шокировал нашу «профессорскую» семью» (см. Студенческий меридиан. № 12. 1989).

Впрочем, Елена Владимировна совершенно напрасно иронизировала над своими родственниками. Дед их действительно был профессором, известным специалистом в области энтомологии, заведовал лабораторией по защите растений от вредителей в институте в Луговой. Одновременно он слыл большим знатоком и поклонником восточной культуры, самостоятельно переводил с фарси. Его жена, то бишь Люсина бабушка Евгения Евгеньевна Абрамова (кстати, единственная из всей семьи сразу и безоговорочно принявшая и понявшая Владимира) занималась переводом стихов Кипплинга, наизусть читала внукам запрещенного в ту пору Николая Гумилева...

Но в том, что приняли Высоцкого в семье Абрамовых, мягко говоря, прохладно, Щербиновская абсолютно права. Это подтверждает и сама Людмила Владимировна: «Может быть, у них было какое-то тщеславие: я – студентка, снимаюсь в главной роли! Может быть, они ждали чего-нибудь необыкновенного... Человек высокого роста, в шикарном костюме придет с цветами и сделает препозицию насчет их дорогого дитяти...».

С другой стороны, Володина мать Нина Максимовна поначалу к появлению Людмилы отнеслась тоже весьма сдержанно. Хотя и признавала: «Действительно, она была красива». Но были и сдерживающие моменты – Володя ведь официально был все еще женат на Изе... (см. Живая жизнь. М.: Петит, 1992).

В «довысоцкой» биографии Люси, кстати, тоже имелся кое-какой супружеский опыт. Пережив стресс после пылкой девичьей влюбленности, она в 10-м классе ушла из дома, перешла учиться в вечернюю школу, стала подрабатывать кем-то там во МХАТе и сняла комнату. От одиночества и безысходности позволила влюбиться в себя сыну хозяйки квартиры. Тот был немного старше, непременным завсегдатаем богемных вечеринок, атмосфера которых и помогла вскружить голову романтической Люсе. В восемнадцать она вышла за него замуж. Впрочем, этот их союз продлился недолго. Спустя три года она оставила мужа – и ушла. Но разводиться оба не спешили, отметка в паспорте им не мешала – никто из них не собирался обременять себя новыми брачными узами. Так что в том, что Владимиру Семеновичу в будущем пришлось усыновлять своих собственных сыновей, не только его вина. Только в 62-м, когда Людмила уже ждала Аркашу, с Дальнего Востока после долгой путины в столице наконец объявился ее бывший муж и они быстро и спокойно развелись.

Людмила Владимировна никогда в своих интервью не называла имени этого человека. Не знаю, в силу каких причин. Между тем, он в 70-80-х годах был хорошо известен читателям журнала «Новый мир», либеральной «Литературной газеты» и других престижных изданий – Игорь Дуэль. Он много писал о море, проблемах рыболовецкого флота, в последние годы нашел неисчерпаемую, как нефтяная скважина, тему – топливно-энергетический комплекс. Работал в корпоративной газете небезызвестной компании «ЮКОС» «Нефтяная параллель».

В «довысоцкой» биографии Людмилы имелся кое-какой супружеский опыт

О своей личной жизни Игорь Ильич распространяться не любит. О знакомстве с Высоцким поминает мельком. Накануне развода их познакомила Люся. Они хмуро кивнули друг другу и больше никогда в жизни не встречались.

А народонаселения на Беговой все прибавлялось – через два года после Аркадия на свет появился еще один сын – Никита. В общем, условия жизни тут стали хуже, чем в общешитии. Потому молодые начали жить как бы на два дома – то в квартире Абрамовых, то у Нины Максимовны, получившей в конце концов отдельную квартиру в Черемушках, на улице Шверника (позже Телевидения). Осенью 65-го они окончательно переехали к ней, оформив, как требовалось, свои официальные отношения. Даже свадьба была. Нешумная, в общем-то, и не очень многочисленная. «Вышли из Театра Маяковского, где играли и репетировали «Героя нашего времени», сели в три такси и... в узковатой комнате, – припомнил Вениамин Смехов, – сбив стол и тумбочки, отметили брачный союз... Человек двадцать было, и очень весело сидели. Сева Абдулов пел «Кавалергардов» Юлия Кима, Володя гордо

сиял. Коля Губенко пел «Течет реченька», Володя громко восторгался. Пели вместе, острили, анекдотили, а потом – пел сам поэт, прикрыв глаза, с какой-то строчкой уходя в никуда, в туннель какой-то... Меня прошибла песня... «А счетчик щелкает...» (В. Смехов. Новосибирск, Академгородок, 17 января 1981).

«Было человек пятнадцать, – утверждал дружка со стороны жениха Игорь Кохановский. – Из театра только Коля Губенко. Он так исполнил «Течет речечка по песочечку», что потряс даже жениха...» (И. Кохановский. Летнее время // Московский комсомолец. 24 мая 1987). Можно вспомнить еще одну гостью – Галину Польских, Недавно она с горечью сожалела: «С кем хотелось бы общаться, тех уж нет в живых. Я дружила с семьей Высоцких, с Шукшиным. Первая (? – Ю.С.) жена Высоцкого – Люся была моей однокурсницей. Я была на их свадьбе...». Первый муж Галины кинорежиссер Фаик Гасанов «иногда приводил Володю к ним в дом: он записывал на бобины его первые песни...» (см. С. Новикова. Г. Польских: «Женщин обижать не рекомендуется!» // zamri.narod.ru/damal4). «Фаик не уставал повторять, что Володя гений» (Е. Ульченко. Г. Польских: «Актрисой меня сделала вахтерша» // Трибуна. 27 ноября 2004). Правда, этого мнения не разделяла бабушка Галины, которой казалось, что так, как Высоцкий, петь умеют все. Тем не менее семьями они дружили, не забывали о днях рождения детей. Галина Александровна с благодарностью вспоминает, как Люся всячески помогала ей, когда из-за рождения ребенка пришлось взять академотпуск. Но затем отношения Польских с Высоцким кончились с появлением на горизонте Марины Влади.

Да и Фаика в ее жизни не стало – он трагически погиб на съемках в Одессе. Потом у Галины Александровны случился роман с режиссером Александром Суриным. Правда, об этом она рассказывать не любит: барская атмосфера семьи директора «Мосфильма» ее угнетала, а особенно – «кремлевские пайки». Год выдержала – и ушла.

Людмилу Абрамову по-доброму вспоминает еще одна ее однокурсница Светлана Светличная: «Мы звали ее «мамой». Она была самая умная, очень красивая и очень терпимая... Она учила нас этикету, давала какие-то советы. Она знала, что мы голодные, приезжала к нам в общежитие с полной сумкой продуктов. Были в Москве такие калачи, и Люда любила их, и мы все...» (www.kulichki.net/ovys/people).

Тогда, в середине 60-х, рассказывала Людмила Владимировна Абрамова, в их доме частенько бывали сблизившиеся на съемках фильма «Я родом из детства» друзья – сценарист Геннадий Шпаликов, режиссер Виктор Туров, заглаживал писатель-фантаст Аркадий Стругацкий, ночевал бездомный актер Николай Губенко. Художник Борис Диодоров отчетливо помнит, что разносторонне одаренный Шпаликов для всех неожиданно тоже увлекся рисованием и даже сделал портрет Людмилы Абрамовой... (otblesk.com/vysotsky). Высоцкий с удовольствием общался и с Люсиными институтскими друзьями – Игорем Ясуловичем, Валерой Носиком, Женей Харитоновым... Курс у Люси был замечательный, особенно ребята с соседнего отделения – режиссерского.

Словом, двери для друзей были открыты. Но, как признавался сам поэт, *«как нас дома ни грей, не хватает всегда новых встреч нам и новых друзей...»*.

Гастролируя сибирско-азиатскими маршрутами с театром миниатюр Владимира Полякова, Высоцкий шлет клятвенную эпистолу жене (пока гражданской, правда), заверяя ее в своем безусловном благонамерении: «Я – отшельник, послушник, монах. Нет! Просто я – отец Сергей. Пальца, правда, не отрубил – не из-за кого... Недавно принято было решение порадовать наших бабов 8-го марта капустником... Там есть такая песня:

Как хорошо ложиться одному –
Часа так в 2, в 12 по-московски,
И знать, что ты не должен никому,
Ни с кем и никого, как В. Высоцкий.

(В. Высоцкий. Собрание сочинений в семи томах. М.: Вельтон. Б.Б.Е., 1994. – Т.6.).

«Семья, – считает Игорь Пушкарев, – не мешала ему продолжать вольную жизнь... Как мне говорили некоторые женщины, Володя был очень темпераментным мужчиной. Когда они с Люсей только начали жить вместе, он очень часто у знакомых ночевал...» (Л. Черняк. Владимир Высоцкий. Как все начиналось... // АиФ. Суперзвезды. № 02 (08). 20 января 2003).

Кадр из фильма «Я родом из детства»

Конечно, не только «новых встреч и новых друзей» не хватало в те годы Высоцкому. Не случайно же он признавался: «Все нас из дому гонят дела, дела, дела...». Катастрофически не хватало денег. Поэтому он хватался за любое предложение подзаработать. Ездил с концертными бригадами, соглашался на любую – даже самую малюсенькую роль. Карина Диодорова (тогда еще Филиппова) помнит, как он пытался вести где-то на стороне самостоятельный театральный кружок за какие-то жалкие гроши. Но долго не продержался – бросил...

В письмах к Люсе то и дело проскальзывают строки: «Завтра три спектакля. Гоним рубли – разоряем Мосэстраду...», «... Артисты все про деньги, и про налоги, и про кто сколько получит...», «Сегодня у меня 2 спектакля и 2 спектакля-концерта (есть у нас и такое). Читаю «Клопа» и тут же взмокший бегу в другой театр на «Хвостики» и так утром и вечером...», «... Пока моя ставка 16.50, а в месяц 130 р., т. к. договор аккордный и 20 % получу только в конце...», «Совсем нет денег. Гостиницу мне не оплачивают полностью, и я доплачиваю рупь с чем-то. Уже много набежало...», «Сегодня вышлю тебе 40 р., т. к. 35 Радомысла (театральный режиссер Радомысленский. – Ю.С.) выгрызает. Он думает, что мы тут миллионеры, и требует проценты...», «Вчера нам дали по 5 рублей квартирных...», «Пожалуйста, отдай маме мои 2 пары ботинок, пусть отдаст починить, а то ходить совсем не в чем. Пальто мне дает Толя, так что с этим все хорошо, а ботинок Толя не дает, у Толи нет ботинок, у него только пальто, и это плохо!», «Деньги я передал, ты их, наверное, полу-

чила. Если мало, прости, больше нет...», «Почему, интересно, из Минска не шлют постановочных? А? Безденежье, лапа, это плохо, но это временно...» (там же).

Верный друг и «милый дедушка Левон Суреныч» Кочарян прилагает максимум изобретательности, чтобы пристроить своего юного горемычного друга в картины, где работал сам, или в фильмы своих друзей. Так Владимир оказался, например, на съемках фильма «Увольнение на берег». Мужская компания в киногруппе подобралась подходящая: сам Кочарян, естественно, Лева Прыгунов, Володя Трещалов, Игорь Пушкарев...

Кочуя из одной киноэкспедиции в другую, Высоцкий не забывает сообщать жене: «Я, лапа, ужасно положительный. Все спрашивают, что со мной, почему я серьезный. А я их не достаиваю и пренебрегаю...» (Айзкраукле (Латвия), 18 июля 1964).

В другом, то ли шутя, то ли всерьез, признавался: «Глядя на всех встречающихся мне баб, я с ними не якшаюсь, чуждаюсь их, и понимаю, лапочка, всю массу твоих достоинств, и горжусь, что ты моя жена... Романов, повторяю, нет. Ни платонических, ни плотоядных. Мне очень трудно, но я терплю и настоятельно рекомендую тебе то же самое. По поводу твоего отдыха – поговорим в Москве. Я не думаю, что тебе было бы здесь лучше...» (Одесса, 9 августа 1967).

Когда у Владимира уже начал складываться более-менее устойчивый статус актера Театра драмы и комедии на Таганке, он начал получать стабильную ставку – 70 рублей. Впрочем, все они уходили на няньку, чтобы Люся «постоянно могла быть рядом с ним. В-первых, я сама хотела постоянно быть рядом, а во-вторых, и Володя в этом нуждался. А иногда в этом был смысл и для театра: я хоть как-то гарантировала, что Володя будет на спектакле, не опоздает и не пропадет...» (см. Живая жизнь. М.: Петит, 1992).

Люся прочно «прописывается» на Таганке. Бывает на репетициях, спектаклях, участвует в послепремьерных банкетах и дружеских вечеринках. Ездит вместе с мужем в гастрольные поездки (в Грузию, в Ленинград), на съемки (в Белоруссию, Одессу)... Высоцкий писал своему приятелю в далекий Магадан: «Жена моя Люся поехала со мной и тем самым избавила меня от грузинских тостов алаверды, хотя я и сам бы при нынешнем моем состоянии и крепости духа устоял. Но – лучше уж подстраховать, так она решила...» (И. Кохановский. «Письма Высоцкого» и другие репортажи на радио «Свобода». М.: Физкультура и спорт, 1993).

Костюмер фильма «Я родом из детства» Алла Грибова рассказывала, что впервые на кинопробах Высоцкий у них в Минске появился ранней весной 1965 года: «Приехал с женой. Жили они в общежитии... Там же мы и собирались, в основном «киряли». Это потом Володя чаще пел. Володя показался тогда очень мягким в общении человеком. Мы все очень удивились, что у него двое детей. Все шутили: «Что у вас, света не было?»... Абрамова тогда, в первый приезд, все время была вместе с Володей...» (см. Владимир Высоцкий. Белорусские страницы. Минск: АльфаПресс, 1999).

Потом Людмила вместе с сыновьями приезжала уже на съемки. «Остановились они в гостинице «Минск». Мы (Туров, Княжинский, Каневский), – рассказывал каскадер Борис Сивицкий, – пришли к ним в гости в номер. На наши просьбы спеть Володя ответил отказом. Отказался он и сесть за стол... Но тут выяснилось, что надо провожать Люсю на поезд. Володя попросил втихаря, чтобы налили ему выпить и спрятали в ванной. Заскочив туда, Высоцкий тут же расправляет крылья и берется за гитару... Поехали на вокзал. Люся с детьми уезжает в Москву. А мы начинаем гулять. Высоцкий уже был страшно взбудоражен... Сделал заказ в номер и начал импровизированный концерт...» (там же).

Работавшая ассистентом режиссера Виктора Турова Роза Ольшевская говорила, что «после своих срывов Володя приезжал к нам как стеклышко, весь подтянутый, готовый к работе. А когда мы звонили Люсе Абрамовой в Москву и Высоцкий бывал вне формы, то Туров велел никому об этом не говорить...» (там же).

В Театре на Таганке Людмила Абрамова всегда сидела в первом ряду, и, как говорили, актеры по выражению ее лица, а главное – по глазам – узнавали, как они сегодня работают. Борис Хмельницкий говорил о ней: «Люся брызгает слезами нам на коленки». Юрий Петрович Любимов видел в ней свою союзницу и надежную помощницу в непростом деле соблюдения трудовой дисциплины актером Высоцким. Он же ценил ее и как интересную актрису. И однажды даже предложил ей вступить в труппу театра. Но что-то там не сложилось. Вполне возможно, что эту идею и сам Владимир не очень-то одобрял: на кой ему нужно и днем, и ночью, и дома, и на работе недремлющее око (*«пришел домой – там ты сидишь...»*)? Пусть уж лучше пацанами занимается, верно?

С сыном Аркадием, который родился в 1962 году, еще до бракосочетания Людмилы и Владимира. Фото Н. Гузанова

Люся была очень привлекательна, фотогенична. В описании Вероники Халимоновой Людмила Абрамова – «длинная девочка с огромными глазами, Красивая, очень мне понравилась. И видно было, что очень любит Володю» (www.aviso.kiev.ua). Ее мнение подтверждал и Игорь Пушкарев: «Мы, друзья Володи, все были в нее влюблены: высокая, стройная, глазищи! Мы плохо знали его первую жену Изу, и Люда для всех нас стала как бы первой

Володиной женой» (Л. Черняк. Владимир Высоцкий. Как все начиналось... // АиФ. Суперзвезды. № 2 (8). 20 января 2003). Самому Высоцкому не очень нравилось то, что Людмила была выше него ростом. Золотухин слышал, как «Володя иногда говорил ей: «Да не ходи ты рядом. Иди чуть-чуть сзади...» (Н. Дардыкина. Бумбараш в роли Маркиза // Московский комсомолец. № 184. 26 сентября 1998).

Ну, а писатель-фантаст Борис Стругацкий в свойственной ему манере и вовсе называл Люсины глаза «марсианскими»...

Подруги Люси часто вспоминают, что в те годы ей часто предлагали роли в кино. Она столь же часто отказывалась, ссылаясь на семейные обстоятельства. В итоге о Людмиле Абрамовой как актрисе практически забыли. Правда, в 1965-м вгиковец Борис Ермолаев сочинил сценарий для телевидения, который, по мнению автора, был обречен на «мировую сногшибательную славу». Участник сего теледейства Вениамин Смехов вспоминал, что «все это называлось «Комната», и весь текст поместился бы в спичечную коробку – двое любят, нет квартиры, но вот появилась, и друзья это отмечают... И вот Эдик (Арутюнян, бывший артист Театра на Таганке и близкий приятель Высоцкого самого изначального таганского периода. – Ю.С.) меж слов и меж умствований поет и даже называет Володю автором – «Где твои семнадцать лет?» и «Жил я с матерью и батей...», что-то еще...» (Новосибирск, Академгородок, 17 января 1981). По замыслу Ермолаева, Высоцкий играл в телеспектакле отрицательную роль – художника, а Люся – стюардессу, его возлюбленную, немножечко более положительную. Она не была в восторге от этой работы, в силу интеллигентности мягко замечая: «...Не помню, чтобы мы получили много радостных впечатлений...» (см. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988).

Последний раз Л.В. Абрамова мелькнула на киноэкране в 1969 году в совместном с немецкими кинематографистами фильме «Мне не забыть тебя, Юсте». А потом со служением музам она покончила раз и навсегда.

* * *

Как же, в конце концов, оценить отношения Людмилы Владимировны и Владимира Семеновича? В собственной-то семейной жизни порой непросто разобраться, а в чужой уж – и подавно. Но все же позволю себе некоторые наблюдения. Может, повезет, и в чем-то окажусь близок к истине.

Первое: на Водолеев ни в коем случае нельзя давить. Как считают толкователи знаков зодиака, Водолеями правит Уран – планета независимости и изменений, что делает их жизнь похожей на смерч. Еще один признак – непредсказуемость, могучая устремленность вперед. Инструкции и строгие предписания не для них.

Люся, хотя и осознававшая масштаб таланта мужа, необычность, неординарность личности, тем не менее старалась сковать его стандартными рамками «приличной советской семьи». В чем-то ее устремления можно понять. Но у Высоцкого иной был нрав, иной характер, иное воспитание, иные взгляды, жизненные нормы. Спорить со всем этим было бессмысленно. И главное, Людмила Владимировна не хотела признавать, что переделать, перебороть его было невозможно. Все попытки были тщетны. Он просто был другой. Иноходец, одним словом.

Сын Высоцкого Никита рассказывал: *«Отец очень быстро водил машину. Однажды разогнался в узком переулке и в самый последний момент, заметив яму, резко затормозил. Он крепко и остроумно выругался и дал задний ход. Потом я со смехом рассказал об этом маме. Она заплакала и сказала: «Вы еще не понимаете, а он из-за своих скоростей умрет...»»* (О. Шеметова. Женщины Владимира Высоцкого // Меридиан. № 34 (137). 23 августа 2005).

Вне всяких сомнений, у Люси и Владимира были счастливые дни. Он окутывал ее нежными, бархатными словами. Для него она была «Люсик, любимая, солнышко, лапик мой хороший, лапа, малышек, любимый пупсик, Люсенок...». В любви у них родились два сына.

«Как он Люду свою любил – это поразительно, – рассказывала старый администратор «Москонцерта» Нина Николаевна Обухова. – Идет какая-нибудь девица с причесочкой: «Да, девчоночка-то ничего, да только лака больно много, у моей Людки волосы сами так лежат». Идет другая: «Да, платице богатое, не то что у моей Людки – хлопок, дерьмо, а все ж на Людке сидит лучше. Она у меня ходит как королева». «О! У нас дома хоть шаром покати, а гости придут – Людка всегда чаю найдет, а то и бутербродов. Не стыдно людей позвать». От него уже отмахивались: «Да отстань ты со своей Людкой!» А сам часто повторял Яну Спарре, спортивному телекомментатору: «Ян, я – сволочь, я знаю – денег у меня нет, но ты пойми, ну нет работы, но я же не могу пойти просить, унижаться. Ну, что-нибудь придумаю, придумаю, придумаю...» (М. Мелкая. В тени звезд советской эпохи // Смена. Санкт-Петербург. № 228. 13 декабря 2002).

Людмила с сыновьями Аркадием и Никитой

И ведь придумывал! Нина Николаевна рассказывала, как в 1968 году в ресторане «Якорь» Высоцкий сочинил и тут же продал уркам за 25 рублей стилизованную для них песенку типа «Я вот вышел на свободу, отсидел за вас срок, мать, я не смог тебя похоронить, буду помнить, поставлю чуть ли не обелиск...».

У Люси и Владимира были серьезные совместные увлечения, скажем, той же фантастикой, летающими тарелками, пришельцами. С помощью старинного студийного приятеля Георгия Епифанцева они знакомятся с популярнейшими фантастами братьями Стругацкими. Аркадий Натанович Стругацкий даже становится другом дома. Это происходит в 1966 году, после возвращения Высоцкого с «орбиты» съемок «Вертикали».

А чуть-чуть ранее, в октябре 65-го, Люся и Володя через другую тогдашнюю мэтрессу этого жанра Ариадну Григорьевну Громову знакомятся с легендарным польским фантастом Станиславом Лемом. Он, оказывается, уже слышал песни Высоцкого, «*навеванные чтением, конечно, западной фантастики*», – «Гимн космических негодяев», «Тау Кита» и, будучи в Москве, изъявил желание познакомиться с их автором. Как рассказывал драматург, знаток и большой любитель авторской песни, Михаил Львовский, «Ариадна Григорьевна... очень любила Высоцкого и дружила с ним. У нее было огромное количество его пленок – он их сам ей давал. Она собирала и распространяла его записи; четырехдорожечный магнитофон «Комета», который я ей подарил, стоял у нее раскаленный, потому что она писала на нем круглые сутки» (см. Вагант. № 40. 1994).

Жена драматурга Елена Константиновна Львовская во время памятной вечеринки у Громовой стала невольной свидетельницей разговора Лема с Людмилой Абрамовой: «Лем ее спрашивал: «Не хотелось бы вам самой быть актрисой и работать в театре?» На что жена Высоцкого очень гордо отвечала: «Я категорически против того, чтобы женщины играли в театре. Я за то, чтобы в театре, как во времена Софокла и Еврипида, играли одни мужчины: надевали женское платье, выходили на сцену – это было прекрасно. Поэтому мне и в голову не приходит быть актрисой». На второй вопрос Лема: «А что вы делаете в жизни, помимо того, что вы – жена Высоцкого?» – она сказала: «Призвание женщины – быть матерью. Я за это. Я воспитываю своих детей. Это то, чем я занята в жизни». Сам Высоцкий этого разговора не слышал, общался с каким-то другим собеседником. И вообще, стол был большой, компания шумная...».

Львовская также рассказывала, что Высоцкий «был человек очень жесткий – как говорится, где сядешь, там и слезешь... Он сказал: «Нет, я петь не буду. И пить не буду». Ариадну Григорьевну Высоцкий очень любил, был расположен к ней, ценил ее отношение к себе (в то время он как раз сочинял «фантастический» цикл песен, общаясь с фантастами, впитывал все, как губка... Когда Ариадна сказала: «Ну, как же мы не послушаем ничего?» – он ответил: «Вот Михаил Григорьевич принес записи Окуджавы – вот это я с удовольствием послушаю!» Мы включили магнитофон, зазвучали песни Окуджавы, все разговоры как-то прекратились. Высоцкий очень хорошо слушал. Очень. Он сел совсем близко к магнитофону, подставил руку под подбородок и слушал очень цепко, как собака, которая сделала стойку на дичь...» (там же).

Людмила Владимировна по сей день хранит в памяти дорогие черты характера Владимира Семеновича: «Он любил, когда я ему читала вслух» (И. Руденко. Не приближаясь, стороной идет по кромке. По самой кромке от взрывной его воронки... // Комсомольская правда. 15 января 1998); «Володя любил, когда я быстро решала кроссворды, хотя разгадывал их намного быстрее меня... Память на события и факты у Володи была невероятная. Если он хотел что-либо вспомнить, то у него это получалось с трудом, начинал нервничать, а в расслабленном состоянии память Володи фиксировала все с невероятной точностью: слова, жесты, интонацию – все это он мог повторить. Когда он писал песню, он перебирал огромное множество рифм, какие-то формулировки, варианты, множество юридических терминов, редко употребляемых слов...» (А. Шарунов, А. Щуплов. Струны вещице // Российская газета. 25 июля 2002).

Людмила буквально из-под земли добывала ему нужную для работы литературу. Например, у кого-то выпросила на время редкую тогда книгу Куна «Легенды и мифы Древней Греции», и Владимир Семенович по ней сверял, не ошибся ли он в чем в своей «Кассандре». Люся, воспитанная бабушкой на стихах поэтов Серебряного века, школьницей посещавшая занятия литературного объединения «Юность», сама писавшая интересные стихи, была для мужа, конечно, бесценным источником литературных познаний.

Но безоговорочно утверждать, что источником единственным, неверно. Школьный приятель Владимира Игорь Кохановский рассказывал, что они и подружились именно на «любви к литературе, в частности к поэзии... К нам в 1953 году пришла новая учительница литературы. В то время период расцвета русской литературы в 20-х годах был не то чтобы под запретом, но никто нам не говорил, что были такие русские поэты, как Велимир Хлебников, Марина Цветаева, Борис Пастернак, Крученых и всякие там ничевоки. И вдруг эта учительница стала нам рассказывать об этих поэтах и писателях... Я помню, одно время мы очень увлекались Игорем Северянином, потом Гумилевым, читали его взапой... Володя был очень начитан. Он говорил: «У меня взапчит». Это означало, что он взапой читает...» (Вечер памяти ВВ – олимпийская база в Новогорске Московской области. 8 апреля 1981).

Аза Лихитченко подтверждает, что их преподаватель литературы во мхатовском училище Александр Сергеевич Польш, эрудит и знаток словесности, особо «выделял Володю за большую любовь к своему предмету». Я уже не говорю о преподавателе Школы-студии Андрее Донатовиче Синявском, высоко ценившем талант своего студента, чьи магнитозаписи были успешно конфискованы сотрудниками КГБ.

Людмила, воспитанная бабушкой на стихах поэтов Серебряного века, школьницей посещавшая занятия литературного объединения, сама писавшая интересные стихи, была для мужа бесценным источником литературных познаний

По всей вероятности, Высоцкий крепко-накрепко усвоил уроки, которые преподавала ему в Школе-студии замечательный педагог, настоящая, кстати, графиня Елизавета Георгиевна Волконская. Как вспоминал сокурсник Высоцкого Роман Вильдан, она настоятельно советовала: «Володя, не пытайтесь делать из себя графа, постарайтесь стать Высоцким, может быть, тогда у вас и появится благородство» (см. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988). Вчерашние школьники подхихикивали и одновременно благоговели перед Волконской. Высокая, статная, худая, в старинных украшениях, в перстнях, с неизменной папироской, она всегда сидела, возложив ногу на ногу. «Она просто замечательно с нами общалась, – вспоминает Тая Додина, – ее стиль был – доброжелательная ирония. Как войти

в комнату, как отодвинуть стул, сесть за стол... Она учила мелочам, но столь важным мелочам...»

Я никоим образом не собираюсь умалить роль Людмилы Владимировны Абрамовой в интеллектуальном просвещении мужа. Тем паче, что Борис Диодоров однозначно утверждал: «Она Володю обожала, формировала его: разыскивала какие-то серьезные книги. А у него уже началась неупорядоченная кино-гастрольная жизнь. И рядом с Володей Люся мне представляется глубоко трагическим человеком...» (Высоцкий. Время, наследие, судьба. № 3).

Ему вторил известный альпинист Леонид Елисеев, знавший Высоцкого еще со времен «Вертикали»: «...Поездка в Рублево. Володя был с Люсей. С первых минут знакомства она располагала своей простотой... Все пребывали в превосходном настроении, все было душевно, просто и вкусно, и Люся как человек оставила неизгладимое впечатление...» (см. Высоцкий. Время, наследие, судьба. № 10).

Поначалу и вплоть до середины 60-х годов Владимир живо интересовался творческой карьерой жены, внимательно следил за ее работой в экспериментальном театре пантомимы Александра Михайловича Румнева.

Там собралась компания однокурсников Людмилы Абрамовой по ВГИКу. Люся Марченко уже поминалась. Служила там еще и актриса Виктория Радунская, которая, впрочем, вскоре переметнулась на «Таганку». Кроме сцены, они частенько встречались в общих компаниях. Застолья той поры были, как рассказывает Радунская, «небогатые, потому что мы не очень-то много зарабатывали. Володиных «переборов», как, впрочем, и ничьих других, в тот период я не помню... Во-первых, в этих наших компаниях с Люсей интеллектуальный уровень был значительно выше пьяни, потому что и сама Люся, и все остальные – это люди совершенно другого ранга. И Володя был таким же. В других компаниях он, возможно, бывал другим. С кем как, наверное» (Вагант. № 11–12. 1995).

В дневниковых записях друзей Высоцкого то и дело проскальзывали свидетельства того, что Володя озабочен трудоустройством Люси. Например, 23 января 1967 года Валерий Золотухин записывает: «ВТО. Я и Венька отпросились у жен. Банкет устроен Высоцким. Говорили: о сказке, об устройстве на работу Люси, о каком-то сценарии для нее – может быть, самым его придумать. Новое дело у меня в жизни – долг перед Люсей, надо что-то сделать для нее» (см. Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000).

Думаю, подспудно в душе Людмилы Владимировны зрела скрытая обида на мужа за то, что он как бы испортил ей в конце концов ее судьбу как актрисы (я уж не говорю, как женщины).

Такой блестящий старт – будучи еще студенткой ВГИКа, заполучить главную роль в «713-м...», потом преподавать и выступать с пантомимой в модном театре... И вдруг – одна беременность, следом другая, неустроенный быт, безвестность, вечное безденежье и косые взгляды родни: дескать, говорили мы тебе... Наконец, просто неопределенный статус гражданской жены аж до 25 июля 1965 года. А ведь еще 4 марта 1962 года Высоцкий письменно клялся Люсе: «Я – Высоцкий Владимир Семенович, по паспорту и в душе русский, женат, разведусь...» (см. Владимир Высоцкий. Собрание сочинений в семи томах...).

Период 65–67-х годов у Владимира был абсолютно «сухим». Он избегал даже пива и кваса. Люся ему помогала – даже надкусывала шоколадные конфеты, дабы убедиться, что там нет начинки с ликером или ромом...

Это сейчас она находит объяснение безудержным запоям Высоцкого: он пил, «чтобы ликвидировать «духовный спазм». Я внутренне чувствовала его «уходы в пике». Дня через два-три он возвращался. В силу внутреннего чутья я открывала дверь, встречая его на пороге... Непредсказуем он был для тех, кто его не знал, а иногда он сам удивлялся своим поступкам...» (А. Шарунов, А. Щуплов. Струны вещице // Российская газета. 25 июля 2002).

У Людмилы Владимировны всегда присутствовал сильный, возможно, даже не совсем дамский характер. Ну, а у мужа-то и вовсе. Словом, нашла коса на камень, да и только. Ныне она считает: «Несбывшееся – это школа» (И. Руденко. Не приближаясь, стороной идет по кромке...). И одновременно признает, что поняла это, когда стали подрастать дети...

Что касается семейного быта, то многое объясняет запись в золотухинском дневнике от 26 июля 1967 года: «Ночевал Высоцкий. Жаловался на судьбу:

– Куда деньги идут? Почему я должен вкалывать на дядю? Детей не вижу. Они меня не любят. Полчаса в неделю я на них смотрю, одного в угол поставлю, другому по затылку двину... Орут... Совершенно неправильное воспитание...» (Секрет Высоцкого. М.: Алгоритм, 2000).

И еще одна цитата от Валерия Золотухина: «24 февраля 1968 года. Отделился от жены. Перехожу на хозрасчет... Я сам буду себе и жена, и мать, и кум, и сват... Высоцкий смеется:

– Чему ты расстраиваешься? У меня все пять лет так: ни обеда, ни чистого белья, ни стиранных носков. Господи, плюнь на все и скажи мне. Я поведу тебя в русскую кухню: блины, пельмени и пр. – И... повез в ресторан «Центральный»» (там же).

Владимир Высоцкий и Валерий Золотухин. Фото А. Гаранина 1966–1967 гг.

Бытовые проблемы, естественно, были дополнительным раздражающим фактором в отношениях Владимира с женой. Но существовали и другие. Инна Кочарян отчетливо помнит, как в канун рождения второго сына Высоцкого, Никиты, будущий отец кротко сидел у них дома и сокрушался: «Денег нет, жить негде, а она решила рожать...» (см. Живая жизнь. М.: Московский рабочий, 1988).

Его бесил странный уклад жизни семьи Абрамовых, так и не ставшей ему родной, особенно досаждала мать Люси – женщина, которая «всю жизнь спала в лыжном костюме», не признавая простыней. Были у нее и прочие странности. Хотя, казалось бы, женщина она была высокообразованная: до войны окончила мехмат МГУ, потом Военный институт иностранных языков, преподавала английский на физтехе в Долгопрудном.

Была небольшого росточка, но крепко сколоченная. Остроглазая А.Д. Тубеншляк, подбиравшая актеров в «713-й просит посадку», вообще решила, что «она занимается штангой, гириями или чем-то в этом роде» (см. www.aviso.kiev.ua/vysotsky). Ну, насчет штанги Анна Давыдовна, конечно, погорячилась. Но Люсина мама действительно была заядлой спортсменкой, завоевывала даже золотые медали на чемпионате СССР по стрельбе. И когда ей перевалило за семьдесят, запросто победила на институтском первенстве в родном МФТИ.

Высоцкому, гуляке и «вечному страннику», замотанному бесконечными киноэкспедициями и гастрольными поездками в поисках лишнего рубля, естественно, хотелось налаженного быта, уюта, горячей пищи, чистых рубашек и носков, жены, встречающей у порога (*«чтобы пала на грудь...»*), то есть всего того, что бы резко контрастировало с вынужденно кочевым (в силу профессиональных причин) образом жизни. После «одесско-белорусского» цикла фильмов Высоцкий более-менее нормально зарабатывал. Причем не столько как актер, сколько как автор песен. Случались и «левые» концертные выступления. Словом, пожалуй, уже не очень бедствовали. Но молодого главу семейства возмущало, что «полотенца лишнего в доме нет, дети «засранные»... А «она» – одну сберкнижку профукала, вторую, деньги на кооператив тоже...

«Боялась ли я, что Володя ходил к женщинам? Нет, абсолютно, – уверенно говорит Людмила Владимировна. – У меня и тени этой мысли не было. Боялась ли я, что он может уйти навсегда? Я этого начинала бояться, когда он возвращался. Вот тогда я боялась, что он сейчас скажет – «все»... А потом, когда пришел конец всему, я сразу поняла, что надо уйти. Просто надо было с силами собраться и сориентироваться... Кроме всего прочего – еще и куда уходить? Как сказать родителям? Как сказать знакомым? Это же был ужас... Я не просто должна была им сказать, что буду жить одна, без мужа. Его же уже все любили, он уже был Высоцким...» (см. Живая жизнь. М.: Петит, 1992).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.